

**Перипетии симпоэзиса:
размышления об одном понятии из книги
Д. Харауэй
«Оставаясь со смутой. Заводить сородичей
в хтулуцене»**

Подорога Б. В.,
кандидат философских наук, Институт философии РАН,
младший научный сотрудник сектора социальной философии, Москва,
boris.podoroga@gmail.com

Аннотация: В статье обсуждается понятие симпоэзиса, используемое в последней книге Донны Харауэй «Оставаясь со смутой: заводить сородичей в хтулуцене» (*Staying with the Trouble. Making Kin in the Chthulucene*). Симпоэзис — это понятие коллективного производства, восходящее к теории симбиоза Линн Маргулис. Оно основано на гипотезе синергетического взаимодействия разнородных форм жизни — биологических видов, генокодов, сообществ, мировидений — и связано с преодолением господствующего образа человека в широком спектре его проявлений (от античных героев до современного корпоративного менеджера). В статье мы рассматриваем различные аспекты симпоэзиса — «гипотезу Геи», «тентакулярное мышление», «смуты», обсуждаемые Харауэй геологические периоды «антропоцена», «капиталоцена» и «хтулуцена» — рассматривая то, насколько они соответствуют поставленной самой Харауэй задаче, а именно — выхода за пределы западного антропоцентричного наследия и утверждения новой нечеловеческой, материалистической онтологии, определяющейся актуализацией хтонических сил мира.

Ключевые слова: Донна Харауэй, «Оставаясь со смутой», симпоэзис, симбиоз, тентакулярное мышление, хиазма, антропоцен, капиталоцен, хтулуцен, компост, мусорные экологии.

**I
Введение**

«Оставаясь со смутой: заводить сородичей в хтулуцене» (*Staying with the Trouble. Making Kin in the Chthulucene*) — одна из последних за прошедшее десятилетие книг Донны Харауэй, известной американской материалистки. В ней культивируемая Харауэй на протяжении многих десятилетий критика политик идентичности, патриархата и капитализма, которая на Западе не только давно стала мейнстримом, но и начала приобретать идеологические черты, получает неожиданную формулировку утверждения эпохи «смуты» или «хтулуцена». Становление этой эпохи Харауэй связывает с формированием теллурических способов бытия.

Отметим, что Донна Харауэй известна как исследованица феминизма, гендера, колониализма и экологии. Среди важных «предшественников» той онтологии, которую она развивает в «Оставаясь со смутой», являются образы киборга, а также существа-компаньона¹. Кроме того, читатель, знакомый с работами «Как мы становимся постчеловеками» (1999) Кэтрин Хейлз, «Постчеловек» Р. Брайдотти, легко распознает в «Оставаясь со смутой» обыгрывание общих для них постгуманистических мотивов. Однако сама Харауэй всячески от них отрешивается, заявляя о необходимости реабилитации нечеловеческих, хтонических сил мироздания.

Критика образа человека в самых разных его ипостасях является одним из доминирующих мотивов книги Харауэй. Для нее образ человека, проявляющийся в облициях монотеистического Бога, великого героя, трансцендентального субъекта, управляющего или корпоративного менеджера, определяется логикой господства, конституирующей его отношение к миру и населяющим его существам. Однако если бы дело ограничивалось этой критикой, то речь шла бы не более чем о конъюнктурном политическом манифесте. Харауэй предлагает понятие «симпозиуса», в призме которого мы видим творческие коллаборации различных индивидов, восходящие к планетарному симбиозу. Понятие симпозиуса довольно любопытно и, безусловно, имеет большой теоретический потенциал, но вместе с тем приводит Харауэй к теоретическим ошибкам, заставляющим ее воспроизводить позиции, которые она стремится преодолеть. Это понятие и будет в центре внимания настоящей статьи.

II

Симпозиус и гипотеза Геи

Понятие симпозиуса является одним из сквозных для проблематики работы «Оставаясь со смутой», объединяя совершенно разные связанные с ней сюжеты. Неологизм «симпозиус» состоит из морфем «сим» и «позиус», где первая означает «совместность», а вторая — «делание», «производство». Симпозиус — это буквально «совместное делание» или «со-производство», то, что Харауэй называет *making with*. Симпозиус — это существование разнородных процессов, неотделимое от их кооперативного взаимодействия. Есть поистине бесконечное множество симпозиусных отношений, многие из которых могут показаться чем-то прямо противоположным дружественной кооперации (например, конкуренция и паразитизм). Чтобы подчеркнуть симпозиусную структуру бытия, Харауэй предпочитает называть индивидов «голобионтами» (*holobionts*), описывая их в качестве не автономных жизненных единиц, а ассамбляжей или сборок, образуемых клетками, органами, существами или группами [Харауэй Д., 2020, с. 86]. В книге «Оставаясь со смутой» симпозиус — это одновременно способ мыслить, исследовательская оптика, тип социальных практик и этико-политическая (экологическая) парадигма.

¹ См.: книги «Манифест киборгов» (1985) и «Манифест видов-компаньонов» (2003).

Концепция симпоэзиса Харауэй восходит к теории симбиогенеза американского микробиолога Линн Маргулис. Главный тезис Маргулис состоит в том, что случайные генетические мутации, происходящие под давлением естественного отбора, не являются единственным фактором эволюции. Согласно Маргулис, бессмысленно говорить о том, что эволюция организована в качестве борьбы за существование различных видов и индивидов. Сама концепция борьбы за существование перекликается с существованием конкурирующих друг с другом индивидов, поскольку сама ее логика, связанная с концепцией дивергенции и обособления видов, не может объяснить логику появления нового, которая требует конвергенции, объединения признаков. Эволюция в значительной степени осуществляется путем симбиоза, при котором организмы вступают в синергетические взаимодействия, порождающие новые и более сложные их разновидности. Канонический пример симбиогенеза — это возникновение эукариотных (ядерных) клеток путем объединения различных прокариотных (безъядерных) организмов. Пластиды, входящие в состав клеток растений, произошли от «самостоятельно живших фотосинтезирующих бактерий», а митохондрии, отвечающие за кислородное дыхание, приобрели к нему способность «еще тогда, когда они были свободноживущими бактериями» [Маргулис Л., 1983, с. 15]. Таким образом, ядерная клетка — это эмерджентный эффект кооперации бактерий, до этого принадлежавших другим живым системам, в результате которого они уже в качестве органелл образовали единый симбиотический эукариот. Линн Маргулис показывает, что практически в любом существе, экосистеме и, наконец, во всей природе можно распознать симбиотическую структуру². В соавторстве с Джеймсом Лавлоком Маргулис придает теории эндосимбиоза глобальное значение, выдвигая так называемую гипотезу Геи, согласно которой Земля — это гигантский суперорганизм, отдельные части которого — геологическая среда, биота и атмосфера — взаимно регулируются таким образом, чтобы поддерживать существование жизни на планете³. Донна Харауэй всецело солидаризируется с этой гипотезой, выводя ее за пределы биологии. Собственно, симпоэзис — это симбиогенез, получивший универсальное значение и распространенный на все мыслимые сферы бытия.

Как известно, гипотеза Геи оспаривалась Питером Уордом, выдвинувшим противоположную гипотезу Земли-Медведи, согласно которой Земля непрерывно предпринимает попытки уничтожения, свидетельством чему являются глобальные вымирания. Однако Харауэй, защищая гипотезу Геи, указывает на то, что массовые вымирания являются чем-то вроде экспериментирования Геи с новыми формами жизни. Гея для Харауэй — это «вторгающееся событие, уничтожающее заведенный порядок» [Харауэй Д., 2020, с. 67]. Но это не значит, что Гея пытается сохранить или уничтожить единожды заведенный порядок, она под влиянием различных внутренних и внешних

² «Не только наши внутренности и ресницы украшены гирляндами бактериальных и животных симбионтов, если вы посмотрите на задний двор вашего дома или заглянете в парк, то увидите, что симбионты не просто очевидны, но вездесущи. На корнях клевера, мышиного горошка, разнотравья расположены маленькие шарики. Это азотфиксирующие бактерии, которые необходимы для здорового роста в почвах, бедных азотом. Затем возьмите деревья, клен, дуб и гикори. Не менее чем три сотни различных грибковых симбионтов, микориза, которую мы опознаем в качестве грибов, переплетены с их корнями. Или взгляните на собаку, которая обычно не замечает симбиотических червей в своих кишках. Мы симбионты на симбиотической планете, если мы захотим, то найдем симбиоз повсюду». См.: Margulis L., 2021, p. 7.

³ Эта теория имеет много общего с органицистскими концепциями Земли Д. Хаттона, В. Вернадского, Т. де Шардена и других.

вызовов словно бы проблематизирует, ставит под вопрос сложившийся порядок, чтобы его радикально преобразовать.

III Тентакулярное мышление

В концепции Донны Харауэй тентакулярное мышление — это эпистемологический коррелят биологической данности симпозиуса. Речь идет об отказе от дистанцированной внемирной позиции, характерной для антропоцентричного технократического мышления, открытии первоначальной данности внутримирных телесных отношений, где все основано на взаимном ощупывании, хватании и переплетении. Американская исследовательница вновь выводит прилагательное *tentacular* из латинских слов *tentaculum*, т. е. «щупальце», и *tentare*, переводящегося как «щупать», «пробовать», «касаться» [Харауэй Д., 2020, с. 52]. Тентакулярность для Харауэй оказывается чувственным *a priori* жизни в целом.

Тентакулярные отношения подчиняются двойственной логике переплетения и разрыва. Вот что пишет Харауэй: «Тентакулярные существа создают сцепления и расцепления; они подобны разрезам и узлам; они различают; ткнут пути и последствия; они и открыты, и переплетены, причем своим особым и никаким иным образом» [Харауэй Д., 2020, с. 52]. Это высказывание Харауэй перекликается с размышлениями Мерло-Понти, который определял первоначальную данность бытия-в-мире через понятие хиазмы (*chiasmus*; зияния-сплетения), где любое восприятие, видение, действие и даже история невозможны вне пересечения двух гетерогенных структур. Так, примером для Мерло-Понти является синтез тела, который никогда не предзадан, а реализуется во взаимодействии различных органов. Пример — переплетение левой и правой рук, в рамках которого скоординированный опыт взаимного охватывания двух рук дан в качестве двух дивергентных, но предельно сближенных спектров ощущений и моторик [Мерло-Понти М., 2004, с. 215]. Аналогично и у Харауэй: действие возникает как эффект примыкания другу к другу двух структурно гетерогенных существ, которые охватывают друг друга — цепочки примыкающих друг к другу нуклеотидов, охватывающие друг друга клеточные мембраны, органы, нервные волокна и ткани, переплетения восприятий и тел существ, в которых примыкают друг к другу их жизненные миры, и, наконец, сплетение исторических судеб видов, популяций и сообществ.

Тентакулярность также связана с тем, что Харауэй называет «сейчас-временем», временем «плотного, длящегося и продолжающегося присутствия, чьи гифы пронизывают самые разные темпоральности и материальности». Это особое время, отрицающее существование прошлого и будущего в привычном смысле этих слов, т. е. как два неких отвлеченных от момента настоящего представлений, но включающее в себя наследия, воспоминания и возможное в той мере, в какой и актуальны переживаемые события [Харауэй Д., 2020, с. 18]. С этой точки зрения, времена связываются через генетические цепочки и жизнь организмов; сознание и сообщества являются воспроизведениями и преобразованиями того, что было вложено в них прошлым, а также нарождающимся будущим. В своем темпоральном осмыслении тентакулярности Харауэй стоит на

бергсонианских позициях, настаивая на определении времени как длительности, продолжаемости (ongoingness).

IV

Рассказывать истории

Донна Харауэй не просто констатирует наличие тентакулярных отношений. Их нужно изучать таким образом, чтобы соответствовать их природе. Для Харауэй исследовать тентакулярные связи — значит рассказывать персональные истории живых существ, вплетенных в эти отношения. Она отказывается рассказывать одну всеобъемлющую историю вида Ното, возвышающую его над миром, а рассказывает множество переплетающихся друг с другом историй мириадом живых существ или, как их называет Харауэй, тварей, историй, неотделимых от самого их способа бытия в мире. В какой-то мере это напоминает Ж.-Ф. Лиотара с его противопоставлением метанарративов и малых нарративов, где первые являются выражением некоей этической идеи, стремящейся к уникальности и одновременно инклюзивности, претендующей на господство над любыми остальными.

Как и Лиотар, Харауэй связывает эти истории с многочисленным числом переплетающихся друг с другом жанров и форм говорения, среди которых она выделяет четыре так называемых СФ (SF): «спекулятивную фабуляцию», т. е. собственно рассказывание историй, «сциентистский факт», т. е. апелляцию к научной фактологии, «сайнс-фикшен (научная фантастика)» и, наконец, «спекулятивный феминизм», завязанный на новую политическую манифестарность, которые образуют то, что Харауэй называет земными историями, историями здешнего мира. Сциентистский факт мы уже затронули, указав на апелляцию Харауэй к теории симбиогенеза.

Отметим, что истории Харауэй — это, по ее словам, истории хтулуцена, особого времени, противостоящего антропоцену. Дальше мы еще будем говорить о том, что представляет собой антропоцен, сейчас мы лишь скажем, что история «антропоса» (вида Ното в его исключительности) — это история охотника, воина или управляющего, тогда как истории хтулуцена — это истории хтонических сил Земли. Первое, что здесь напрашивается, — это аналогия с монстром Ктулху Говарда Лавкрафта. Ктулху — это гигантское осьминогоподобное существо, спящее на дне Тихого океана, которое в определенный момент проснется, что будет означать гибель человеческой цивилизации⁴. Однако с точки зрения Харауэй, история Лавкрафта — это опять-таки история единственного и к тому же мизогинного монстра, тогда как хтулуцен — это переплетающиеся истории множества существ, участвующих в теллурическом симпозице, начиная от историй пауков и заканчивая историями индейских племен, пострадавших от экологических катастроф.

⁴ Харауэй изменяет начальное слово Chthulhu на Chthulu. Это изменение, маркируемое Харауэй как метаплазм. Метаплазм представляет собой произвольное изменение, переформовывание того или иного слова в рамках изменения его семантики. Учитывая весь контекст рассуждений Харауэй, можно сделать вывод о том, что такое изменение слова должно лишить его идентичности и повести его к той неопределенности, «смутности», которая соответствует хтоническому существованию [Харауэй Д., 2020, с. 217].

Наибольший интерес представляет собой «История Камилло», представленная в восьмой главе «Оставаясь со смутой». Речь идет о переплетающихся историях двух видов — человека и бабочки монарха, вступающих друг с другом в генетический симбиоз. Харауэй пишет о том, что в будущем для рекультивации мест, подорванных антропогенными катастрофами, а именно мест вдоль реки Канова, пострадавших от добычи угля, а также лесов, находящихся на миграционных путях бабочек монархов и поврежденных сельскохозяйственной промышленностью, будут произведены детисимбионты бабочек монархов и людей, что позволит, с одной стороны, создать возможность для бабочек существовать в лесах, которые непригодны для их обитания, через активацию человеческого генома, а с другой стороны — людям выживать на уничтоженных местах вдоль долин реки, активируя способности имаго питаться нектаром молочая. В этом плане Харауэй говорит о возможности трансвидового симпозиаса, означающего активацию и усиление симбиотического (симхтонического) потенциала Геи и возможность ее восстановления в будущем.

При этом хочется отметить, что эти истории все же обслуживают некую феминную идентичность, поскольку речь идет об историях тентакулярных сил и способностей, ассоциируемых с «образами Наги, Тангароа (...), Терры, Ханиясу-химэ, Женщины-Паучихи Теотиуаканы, пачамамы, Ойя, Горгоны, Вороних, А'акулуууси и многих других» [Харауэй Д., 2020, с. 135]. Итак, весь этот длинный ряд божеств свидетельствует о некоем предельном расширении феминной идентичности, которая парадоксальным образом оказывается именем для хтонических и жизненных сил как таковых.

Этот ход Харауэй вызывает ассоциации с постфрейдистскими психоаналитическими концепциями психоанализа вроде теорий Карла Юнга или Норманна Брауна, где в основе как индивидуальных неврозов, так и проблем европейской цивилизации лежит отрыв от «архетипа великой матери» [Юнг К., 1996, с. 213] или от полиморфной сексуальности, ассоциирующихся опять-таки с завязанной на фигуре матери младенческой стадией жизни человека [Brown N., 1985, p. 43], которые открыто высказывались в пользу базовой роли женского начала для мира, служащего для последнего колыбелью.

V

Не знающие себя виды-компаньоны

«Заводить сородичей» — странное выражение. Ведь сородичи либо есть, либо их нет. Их можно найти, но нельзя завести. Однако Харауэй придумывает своеобразную семантику английского слова *kin*, обозначающего «родство». Харауэй отождествляет словосочетание *making kin* со словосочетанием *making kind*, тем самым указывая, что превращение кого-то в сородичей означает наделение кого-то личностью, проявление заботы и т. д. «Моя задача — сделать так, чтобы “родство” значило больше, чем “существа, связанные происхождением или генеалогией”» [Харауэй Д., 2020, с. 137]. Именно на основе этого внимания по отношению к другому, с точки зрения Харауэй, может быть преодолено вековое отчуждение человека от остальных существ

и реализованы симпоэтические взаимодействия. То, что Харауэй называет словосочетанием *making kin*, неожиданно напоминает классический анархизм в духе Кропоткина, где основным критерием структурирования сообществ является взаимопомощь, не основанная на каких-либо формах принуждения. Но для Харауэй эта взаимопомощь выходит за пределы межчеловеческой коммуникации и становится коммуникацией межвидовой.

Один из примеров подобного заведения сородичей Харауэй описывает в первой главе «Оставаясь со смутой». Американская исследовательница говорит о «видах-компаньонах», под которыми понимаются животные (но и не только), вступающие с человеком в равноправные симпоэтические отношения, в условиях которых преодолевается существовавшая в течение столетий иерархия человек/животное, где человек считался чем-то высшим, а животное — чем-то низшим. По логике Харауэй, больше нельзя говорить о человеке и животном, как о несовместимых друг с другом сущностях: животное и человек — это лишь имена для двух неотделимых друг от друга инстанций одного творческого сплетения [Haraway D., 2020, p. 20]. Эта мысль Харауэй нуждается во внимательном разборе, так как он порождает весьма любопытные парадоксы и противоречия.

В своей последней книге для Харауэй примером вида-компаньона оказывается сизый голубь, хорошо знакомый всем вид-синантроп. Харауэй предпочитает изучать голубя не в рамках его экологической ниши, сложившейся за долгое время его сосуществования с человеком, а в свете разнообразных практик взаимодействия с последним, среди которых доставка почты, гонки, поиск людей в военных или спасательных целях, помощь в определении уровня загрязнения воздуха. Уже сам этот список форм человеко-голубинового взаимодействия заставляет несколько усомниться в том, что речь действительно может идти об отношении компаньонов. Ведь компаньон — это прежде всего товарищ, партнер, а здесь мы имеем дело с односторонне программируемыми человеком задачами, где голубь играет роль послушного исполнителя. Однако Харауэй всеми силами старается убедить читателя, что это не так.

Американская исследовательница довольно подробно обсуждает проект Беатрисы де Коста «ГолубБлог» (Pigeon Blog), где спортивные голуби участвовали в замерах уровня загрязнения воздуха Лос-Анджелеса. Научно-технический аспект этого проекта заключался в совершенствовании системы замеров вредных веществ в смоге, поскольку обычные приборы, будучи неподвижными, могли замерять уровень загрязнения только в непосредственной близости от себя, тогда как голуби за счет своей мобильности могли анализировать более обширные пространства атмосферы. На спину голубям надевали специальные «рюкзачки» с GPS-датчиками, с помощью которых они собирали информацию. Харауэй позиционирует этот проект как находящийся на стыке экологической практики, науки и перформанса, причем цель последнего как раз заключалась в том, чтобы показать междисциплинарный и межвидовой симпоэзис. По словам Харауэй, речь идет о взаимодействии различных, но вполне человеческих практик, а именно «исследователей-художников-инженеров» и «голубятников», которые должны были наделить друг друга «способностью взаимного доверия, чтобы иметь возможность попросить у птиц их уверенность и мастерство» [Харауэй Д., 2020, с. 41]. Наравне с художниками и голубятниками голубь становится, по словам Харауэй, «живым со-

производителем» [Харауэй Д., 2020, с. 41]. Причем одним из аргументов в пользу того, что голубь действительно оказывается таковым, является способность опытного голубятника распознать у птицы стресс, встревоженность — способность, которая основывается, в конечном счете, на любви к голубю. С точки зрения Харауэй, голубятник понимает, когда у голубя есть настрой к сотрудничеству с людьми, и в этот момент он проводит с ним тренировки и отпускает его в полет. Однако положение голубей не меняется по сравнению с тем, каким оно было, когда их только стали разводить в качестве домашних животных, т. е. это положение дрессированного, специально выведенного под нужды человека живого инструмента. Тот факт, что голубь любим голубятником, ничего не меняет, поскольку голубя не спрашивали, хочет ли он участвовать в этих экспериментах и практиках. Вот почему он никогда не будет равноправным производителем, а лишь орудием, исторически предопределенным тем местом, которое человек отвел ему в своей социальной иерархии. Таким образом, за харауэйской логикой партнерства скрывается обычная логика эксплуатации, определяющая практики критикуемого Харауэй антропоцентричного мира.

VI

Хтулуцен как проект, или Мусорная экология

Давайте теперь обсудим экологический аспект симпозиуса, вбирающий в себя надежды на новую эпоху. Вред, связанный с предшествующим периодом антропоцена, в той же степени причиняется телу Геи, в какой и населяющим ее видам, внутренне чуждым какой-либо унификации, и обрушивающимся на них режимам господства. В шестой главе Харауэй описывает хтулуцен прежде всего как проект восстановления поврежденной поверхности земли. Гея больше не может спонтанно реализовывать свои способности к эндосимбиозу, ее ресурсы на исходе, вот почему носители тентакулярного, симпозиического мышления должны объединиться с тем, чтобы актуализировать ее скрытые силы.

Прогнозы Харауэй довольно апокалиптичны. Вслед за множеством экологов она обращает внимание на тот факт, что многие жизненно необходимые человеку ресурсы являются невозобновляемыми и скоро исчерпают себя. А это — громадное число природных пространств. Общей чертой антропоцена является то, что он разрушает экологическую среду с помощью промышленного производства, колонизации, геноцидов

и так далее⁵. Харауэй склонна считать, что антропоцен следует рассматривать не как эпоху, а как «пограничное событие, подобное мел-палеогеновой границе» [Харауэй Д., 2020, с. 134]. В этом плане хтулуцен может стать принципиально иным периодом в истории Земли, где человек, осмыслив себя в качестве одного из голобионтов, сможет стать соучастником по-настоящему плодотворного и длительного геологического периода.

Экологи-компостисты определенным образом смешивают горы мусора, превращают их в компост, т. е. живую среду, где возобновляются симбиотические связи, присущие Гее в целом. Наиболее любопытной особенностью хтулуцена, на мой взгляд, является то, что он должен быть создан в буквальном смысле из мусора антропоцена: «незавершенный хтулуцен должен собрать мусор антропоцена и экстерминизм капиталоцена и, перекапывая, измельчая и укладывая пластами, подобно безумному садовнику, сделать еще более горячую компостную кучу для все еще возможных прошлых, настоящих и будущих» [Харауэй Д., 2020, с. 83]. Насколько я понимаю, Харауэй хочет сказать, что после катастроф, вызванных антропоценом и капиталоценом, жизнь деградирует. Ее фрагменты должны быть собраны в гигантские компостные кучи — горячие кучи деградировавших организмов, органических частиц, которые под воздействием микроорганизмов и повышенной температуры преобразуются в гумус, обогащающий земную почву. Речь идет о том, что хтулуцен — это промежуточный период, где существующие остатки от прошлого видообразия соединились в процессе гниения, создающего условия для образования новых видов. В этом плане хтулуцен все же является проектом, и он явно апеллирует к будущему, но это будущее не определено.

Здесь, на мой взгляд, уместно сопоставить идею глобального компостирования с идеей падения в горячую биомассу Майкла Мардера, озвученную в его вышедшей в 2016 году (как и «Оставаясь со смутой») книге «Философия свалки». Для Мардера современная эпоха — это эпоха нигилизма, выраженная в образе «свалки» (dump), означающем кучу или нагромождение — бессистемное смешение всего со всем, начиная от накопления реальных мусорных свалок и заканчивая человеческими массами, бесполезными цифровыми данными, в результате которого подлинное упорядоченное совместное бытие людей и органических видов, связанное с проведением между ними границ, оказывается невозможным. Несмотря на, казалось бы, полное различие между идеями Мардера и Харауэй, между ними есть и любопытное сходство. Как компост для Харауэй, так и свалка для Мардера — это предметы рефлексии. Компостирование для Харауэй — это «разумное» смешение, способное породить новые симбиозы, Мардер

⁵ Итак, здесь мы вновь возвращаемся к рассмотрению хтулуцена, но уже как к возможному геологическому периоду. Здесь сразу нужно отделить хтулуцен от антропоцена, которому он противопоставляется. Слово «антропоцен» имеет более чем 20-летнюю историю, оно было введено в широкий оборот химиком Паулем Крутценом, который с его помощью описывал особый этап голоцена, во время которого влияние человека на окружающую среду начинает возрастать по экспоненте. Антропоцен включает в себя тот период человеческой истории, когда человек распространяется по всем материкам земного шара, активно изменяя среду с помощью военной деятельности, земледелия и промышленности. Вслед за Джейсоном Муром Харауэй внутри антропоцена выделяет капиталоцен и — дополнительно — плантациоцен, где второй обозначает экологические трансформации, связанные с развитием агрокультуры (начиная с древних времен), а первый — те, что вызваны поздним капитализмом (к таковому, по мнению Мура, относятся изменения климата). См.: Мур Д., 2020.

говорит об осознании себя как части аморфной массы как о первом шаге в поиске форм совместности, способных упорядочить свалку [Marder M., 2021, p. 150]. В обоих случаях смешение, скученность и неопределенность оказываются импульсами к открытию новых форм бытия.

VII Заключение

Итак, мы попытались представить и проанализировать основные аспекты понятия симпозиуса, используемого Донной Харауэй в книге «Оставаясь со смутой». Безусловно, попытка Харауэй развить и дополнить теорию симбиоза Линн Маргулис, чтобы использовать ее для описания социальных, эпистемологических и политических реалий, кажется эвристически продуктивной. Понятие симпозиуса — это важный пример прослеживаемого сегодня тренда на поиск «нетотализующих» коллективностей (например, бытие-с Ж.-Л. Нанси, социальные ассамбляжи М. Деланды). Отметим, что при этом он явно выбивается из магистральной «постгуманистической» логики этого тренда, поскольку апеллирует не к формам человеческой (или постчеловеческой) социальности, а к коллективности органического порядка, включающей в себя человеческие взаимодействия на правах некоей превосходящей и более устойчивой реальности — упоминавшихся клеточных и бактериальных симбиозов. Коммуникации, определяющие восприятие, межвидовые и межчеловеческие отношения, являются формами усложнения и обогащения микроорганического симбиоза. А последний, с точки зрения Харауэй, является отправной точкой земной эволюции и тем ее ядром, которое будет в состоянии пережить самые серьезные экологические катастрофы, а также стать центром формирования новых форм жизни. Отсюда — образы «гумуса» и «компоста» как первичной колыбели жизни, которая в будущем может дать начало более утонченным существам, если прежние вымрут в результате экологических катастроф. С другой стороны, очевидно, что симпозиическое осмысление Земли имеет много общего с натурфилософскими традициями, связанными, к примеру, с именами Фалеса и Анаксимена: Гея оказывается в чем-то более сложным вариантом той же первостихии, вроде воды или огня, к тому же воплощающей собой феминное начало. В этом плане, несмотря на все оговорки, понятие симпозиуса содержит в себе элементы мифа о порождающей природе.

Литература

1. Маргулис Л. Роль симбиоза в эволюции клетки. — М.: Мир, 1983. — 352 с.
2. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. — Минск: И. Лонгвинов, 2006. — 400 с.
3. Мур Д. Осмыслить планетарный ад. 2020. Электронный ресурс: <https://syg.ma/@maxsher/dzhieison-mur-osmyslit-planietarnyi-ad-gieologhichieskii-antropotsien-ghieoistorichieskii-kapitalotsien-planietarnaia-spraviedlivost> (дата обращения: 04.11.2021).

4. Харауэй Д. Оставаясь со смутой: заводить сородичей в хтулucose. — Пермь: Hyle Press, 2020. — 340 с.
5. Юнг К. Душа и миф: шесть архетипов. — Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. — 384 с.
6. Brown, N. O. Life against death. Psychoanalytic meaning of history. Hanover: Wesleyan University Press, 1985. 366 p.
7. Haraway D. The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness. Chicago: Prickly Paradigm Press. 2003. 65 p.
8. Marder M. Dump Philosophy: A Phenomenology of Devastation. London, New York, Oxford, New Delhi, Sydney, Bloomsbury Academic, 2021. 184 p.
9. Margulis L. The Symbiotic Planet: a new look at evolution. London: A Phoenix Paperback. 1998. 184 p.

Reference

1. Brown N. Life against death. Psychoanalytic meaning of history. Hanover: Wesleyan University Press, 1985. 366 p.
2. Haraway D. *Ostavayas` so smutoj: zavodit` sorodichej v xtulucene* [Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene]. Perm`: Hyle Press, 2020. 340 p.
3. Haraway D. The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness. Chicago: Prickly Paradigm Press. 2003. 65 p.
4. Jung K. *Dusha i mif: shest` arxetipov* [Soul e del mito: sei archetipi]. Kiev: Gosudarstvennaya biblioteka Ukrainy` dlya yunoshestva, 1996. 384 p.
5. Marder M. Dump Philosophy: A Phenomenology of Devastation. London, New York, Oxford, New Delhi, Sydney, Bloomsbury Academic, 2021. 184 p.
6. Margulis L. *Rol` simbioza v e`volucii kletki* [Symbiosis in Cell Evolution: Life and its Environment on the Early Earth]. Moscow: Mir, 1983. 352 p. (In Russian.)
7. Margulis L. The Symbiotic Planet: a new look at evolution. London: A Phoenix Paperback. 1998. 184 p.
8. Merleau-Ponty M. *Vidimoe i nevidimoe* [Le visible et l`invisible]. Minsk: I. Longvinov, 2006. 400 p. (In Russian.)
9. Moore J. *Osmy`slit` planetarny`j ad* [Making Sense of the Planetary Inferno: Planetary Justice in the Web of Life]. 2020. URL: [<https://syg.ma/@maxsher/dzheison-mur-osmyslit-planietarnyi-ad-gieologhichieskii-antropotsien-ghieoistorichieskii-kapitalotsien-planietarnaia-spraviedlivost>], accessed on 04.11.2021]. (In Russian.)

**Twists and turns of sympoiesis:
reflections on the one notion from Donna Haraway's
book "Staying with the Trouble.
Making Kin in the Chthulucene"**

Podoroga B. V.,
PHD in Philosophy, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences,
Junior Research Fellow of Social Philosophy Department, Moscow,
boris.podoroga@gmail.com

Abstract: The paper is set to explore the concept of 'sympoiesis' as it is laid out in the Donna Haraway title "Staying with the Trouble. Making Kin in Chthulucene". Tracing back to the symbiosis theory put forth by Lynn Margulis, sympoiesis describes a kind of collective production predicated on interaction of a variety of lifeforms, genomes, species, communities and worldviews that overhauls representations of man as a figure of domination ranging from the classical hero to the modern day corporate manager. While looking to understand how Haraway's conceptual repertory is aligned with her purpose to step outside of the Western anthropocentric legacy thinking and establishing a novel non-human materialistic ontology working through emergent chthonic forces, we consider the Gaia hypothesis and the notions of 'tentacular thinking' and 'trouble' alongside with a timeline of Anthropocene, Capitalocene, and Chthulucene discussed in the book.

Keywords: Donna Haraway, "Staying with Trouble", sympoiesis, tentacular thinking, chiasmus, tangle, Anthropocene, Chthulucene, Capitalocene, compost.